

КАРИНА РОДИОНОВА

Ребенка не будет, ДРАКОН!

18+

Карина Родионова

Ребенка не будет, Дракон!

«Автор»
2026

Родионова К.

Ребенка не будет, Дракон! / К. Родионова — «Автор», 2026

– Кто отец твоего ребенка? - рычал на меня муж. - С кем ты его нагуляла? Он был зол, очень зол. Сейчас вся его драконья сущность рвалась наружу, выливаясь в агрессию по отношению ко мне.– Ни с кем! - кричала я. - У меня никого, кроме тебя, не было! Клянусь тебе!– Не ври! – рявкнул он. – Я проверил с помощью артефакта: этот ребенок не мой!– Арден! Умоляю, поверь мне! – всхлипывала я. – Никогда ни с кем правда! Это твой ребенок! Может быть, артефакт неисправен!– Мой? – ревел мой муж. – Да у меня не может быть детей!– К-к-как не может? – обалдела я от такого заявления.----------Мой муж - дракон. Он решил, что я изменила ему и беременна от другого, заставил меня избавиться от ребенка. Но я никому не отдам свое дитя!

© Родионова К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Карина Родионова
Ребенка не будет, Дракон!

Глава 1

– Кто отец твоего ребёнка? – рычал на меня муж. – С кем ты его нагуляла?

Он был зол. Нет, не просто зол: я никогда прежде не видела его таким. Золотистые глаза потемнели, зрачки вытянулись в узкие вертикальные щели, а на скулах проступила мелкая серебристая чешуя. Драконья сущность рвалась наружу, и вся эта первобытная, звериная ярость обрушивалась сейчас на меня. Воздух в гостиной стал горячим и тяжёлым, будто перед грозой, а пламя в камине взметнулось до самой решётки.

– Ни с кем! – закричала я, прижимая руки к груди. – У меня никого, кроме тебя, не было! Клянусь тебе!

– Не лги мне! – рявкнул он так, что жалобно звякнули хрустальные подвески на люстре. – Я проверил артефактом. Этот ребёнок не мой!

– Арден! Умоляю, поверь мне! – Слёзы катились по моим щекам, и я даже не пыталась их утереть. – Никогда… ни с кем… Правда! Это твой ребёнок! Может быть, артефакт неисправен? Может, кто-то ошибся?

– Мой? – взревел муж. – Да у меня вообще не может быть детей!

Я застыла. Слова доходили до меня медленно, будто сквозь толщу воды.

– К-к-как… не может? – только и сумела выдавить я.

Арден вдруг словно погас. Ярость схлынула так же резко, как накатила. Он тяжело опустился на стул, провёл ладонью по лицу и заговорил уже тихо, почти равнодушно. От этого равнодушия мне стало страшнее, чем от его крика.

– Проклятие. Получил его пару лет назад. Каких только магов я не обошёл, и все в один голос твердят, что снять его невозможно. – Он поднял на меня взгляд, и губы его скривились в злой усмешке. – Так что, милая, твоя попытка навязать мне своего ублюдка провалилась.

Это слово ударило больнее пощёчины.

– Но я правда никогда и ни с кем тебе не изменяла! – воскликнула я. – Арден, посмотри на меня! Разве я хоть раз давала тебе повод усомниться?

– Довольно! – поморщился дракон, будто от зубной боли. – Немедленно избавься от этого ребёнка. Я уже вызвал лекаря, он даст тебе нужное зелье.

Он поднялся и направился к двери. И тогда я сделала то, чего никогда бы не сделала раньше, – забыла о гордости. Бросилась ему наперерез, упала на колени и обхватила его ноги.

– Арден! Не надо! Это твой ребёнок! Не губи его, прошу тебя! Я сделаю всё, что захочешь, только не губи моего малыша!

Несколько мгновений он стоял неподвижно. Мне даже почудилось, что в его глазах что-то дрогнуло. Но потом он презрительно поджал губы, высвободился из моих рук и молча вышел из комнаты. Дверь захлопнулась с глухим, окончательным стуком.

Я так и осталась на полу. Рыдала, задыхаясь, уткнувшись лицом в толстый пушистый ковёр, тот самый, что Арден привёз мне в подарок из южных земель в первый месяц после свадьбы. Тогда он смеялся и говорил, что его жена должна ступать только по мягкому…

Дверь снова распахнулась, и в гостиную вбежала моя нянюшка Дарлита.

– Деточка, да что ж это такое творится! – Она кинулась ко мне и помогла подняться. Руки у неё были сухие, тёплые, родные. – Пойдём-ка в спальню, милая. Пойдём.

– Няня! – всхлипнула я, цепляясь за её рукав. – Он хочет избавиться от моего ребёнка! От нашего ребёнка! Говорит, что не может иметь детей. Что на нём проклятие… А я ведь ни с кем, никогда!

– Знаю, знаю, родная. Идём, – приговаривала Дарлита, подхватывая меня под руку и уводя прочь из гостиной.

В спальне она напоила меня чаем с мелиссой и горной мятой, укрыла пледом и уложила в постель. Но успокоиться я не могла. Слёзы всё лились и лились, подушка давно промокла насквозь, а в голове крутилось одно и то же: «Этот ребёнок не мой… не мой… не мой…»

Дарлита долго сидела рядом и молча гладила меня по волосам, а потом вдруг убрала руку и сказала сурово, совсем как в детстве, когда я разбивала коленки и ревела на весь двор:

– А ну прекрати! Слезами горю не поможешь. Давай-ка лучше думать, что можно сделать.

Я подняла на неё заплаканные глаза. Няня смотрела твёрдо и спокойно, и в этом взгляде было что-то такое, отчего у меня впервые за этот бесконечный день перестали дрожать руки.

Вечером пришёл лекарь, сухонький седой старичок в потёртом сюртуке и с потрёпанным кожаным саквояжем. Он старательно избегал смотреть мне в глаза. Наверное, ему не впервой было выполнять подобные поручения знатных господ, но гордиться тут было нечем.

Он достал два пузырька: один с мутной зеленоватой жидкостью, другой с прозрачной, чуть отливающей янтарём.

– Вот этот выпьете после ужина, – указал он на зелёный. – Ночью может начаться кровотечение. Не пугайтесь, так и должно быть. Обычно женщины довольно легко переносят это средство. Но если что-то пойдёт не так, выпейте вот это, – он протянул второй флакон, – и сразу отправьте за мной посыльного.

Он пообещал заглянуть завтра вечером, чтобы убедиться, что со мной всё в порядке, неловко поклонился и поспешил уйти, будто боялся задержаться в этой комнате хоть на минуту дольше.

Дарлита проводила его до дверей, а вернувшись, долго и задумчиво разглядывала флаконы на свету.

Ужинали мы с Арденом вдвоём. В огромной столовой, рассчитанной на добрых полсотни гостей, наши два прибора на краю длинного стола выглядели нелепо и одиноко. Слуги бесшумно меняли блюда, свечи потрескивали в канделябрах, а я сидела и молча ковыряла вилкой запечённую перепёлку, не в силах проглотить ни кусочка.

– Ниэль, – наконец нарушил тишину муж. – Лекарь сказал, что передал тебе зелье. Надеюсь, всё пройдёт без сюрпризов? Ты ведь понимаешь, что этот ребёнок не нужен ни мне, ни тебе?

Я медленно отложила вилку.

– Да, Арден, – покорно склонила я голову. – Ребёнка не будет.

– Вот и отлично. – Он с облегчением выдохнул и даже позволил себе сделать глоток вина. – Сегодня я уезжаю в столицу. Надеюсь, к моему возвращению с этим… недоразумением будет покончено. И ты больше не станешь позорить ни меня, ни себя.

Я ничего не ответила. Даже не стала напоминать, что это «недоразумение» – его собственный ребёнок. Каким чудом я умудрилась от него забеременеть вопреки проклятию, я и сама не знала. Но знала другое: я никогда, ни единого раза не была ни с кем, кроме него.

Когда подали десерт, я демонстративно достала из кармана платья флакон, откупорила его и выпила содержимое до последней капли, глядя мужу прямо в глаза. Жидкость оказалась горьковатой, с привкусом полыни и мёда.

Арден на мгновение отвёл взгляд.

Я поставила пустой флакон на белоснежную скатерть, поднялась и, не сказав больше ни слова, ушла к себе. Видеть никого не хотелось. Только Дарлита неслышной тенью последовала за мной.

Эту трудную ночь няня провела рядом со мной. Свеча на столике оплыла и погасла, за окном выл ветер, а она всё сидела у изголовья и держала меня за руку.

Наутро я надела простое серое платье без единого украшения, свои любимые туфельки, расшитые голубым бисером, и отправилась к обрыву над рекой.

Арден

Арден был в ярости. Его жена, его любимая, его Ниэль лгала ему в глаза.

А ведь в первый миг, когда она, смущённо улыбаясь и пряча пылающее лицо у него на груди, прошептала, что ждёт ребёнка, Арден поверил в чудо. Сердце дракона, давно смирившееся с приговором, вдруг забилось так, что стало трудно дышать. У него будет наследник! Он ведь так и не рассказал Ниэль о проклятии: не решался омрачить её счастливые глаза, всё откладывал этот разговор на потом. А тут такая новость!

Но его сестра Элга быстро спустила его с небес на землю.

– Не будь глупцом, братец, – сказала она, холодно приподняв тонкую бровь. – Таких чудес не бывает. Проклятие, которое не смогли снять лучшие маги королевства, вдруг развеялось само собой? Проверь, прежде чем радоваться.

И она лично вручила ему артефакт, способный определить отцовство ещё в самом начале беременности. Гладкий тёмный камень в серебряной оправе на цепочке. Когда Арден капнул на него каплю своей крови и поднес к животу жены, камень засветился красным светом.

Артефакт подтвердил то, во что Ардену так не хотелось верить: жена ему лжёт.

Выставить её за порог он не решился. Пойдут слухи, и, чего доброго, все сочтут, что ребёнок его, а он, Арден, бессердечно выгнал беременную жену. Да и чувства к ней, как ни странно, никуда не делись. Они саднили внутри, словно застрявший в ране наконечник стрелы. Поэтому для начала он вызвал лекаря: нынешние зелья помогают избавиться от нежеланной беременности быстро и почти безболезненно.

Развестись с неверной женой тоже было непросто: пришлось бы объяснять причину королевскому суду и выносить свой позор на всеобщее обозрение. Ардену совсем не хотелось, чтобы о нём судачили во всех салонах столицы. Поэтому он решил, что, как только Ниэль оправится, он отправит её на время в дальнее поместье к своей тётке. Видеть изменницу каждый день было выше его сил. А с кем она посмела ему изменить, он ещё выяснит. И тому мерзавцу мало не покажется.

Убедившись, что Ниэль выпила зелье, он в тот же вечер уехал в столицу, на приём к королю. Всю дорогу он гнал прочь воспоминание о её взгляде за ужином, таком прямом и спокойном, что ему почему-то стало не по себе.

Но едва Арден добрался до столицы, как на следующий же день пришло послание из замка. Всего несколько строк, торопливо нацарапанных рукой управляющего.

Ваша супруга, госпожа Ниэль, покончила с собой.

Арден перечитал письмо трижды. Буквы расплывались перед глазами. Он не помнил, как покинул дворец, как мчался во весь опор обратно, в замок.

У ворот замка его встретили заплаканные служанки и Дарлита, нянька жены, которую та привезла с собой из родного дома сразу после свадьбы. Старуха будто постарела лет на десять: лицо осунулось, глаза покраснели от слёз.

– Бросилась с обрыва, деточка моя! – рыдала она навзрыд. – Прямо в реку! У меня на глазах! Я бежала, кричала ей, да куда мне, старой, угнаться…

– Где это случилось? – спросил Арден враз охрипшим голосом.

Нянька, утирая слёзы краем передника, повела его к реке.

Утро выдалось серым и промозглым. Над водой стелился туман, мокрая трава холодила сапоги. На раскисшей тропинке и правда отпечатались следы маленьких ног, ведущие к обрыву. Только туда. Обратно не вёл ни один.

Площадка у самого края была затоптана, но там темнели уже другие следы, большие, мужские.

– А это чьи? – резко спросил Арден.

– Так конюха нашего, – всхлипнула Дарлита. – Прибежал на мой крик, смотрел, искал, вдруг что увидит… Ничего не увидел. И тела не нашли. Река-то здесь глубокая да быстрая, унесло, небось, до самого моря. – Она судорожно вздохнула. – Только вот туфельки к берегу прибило…

Она протянула ему маленькие туфельки, расшитые голубым бисером. Арден помнил, как Ниэль радовалась им, словно ребёнок, кружилась в них по бальной зале и смеялась…

Он долго стоял на краю обрыва, глядя вниз, на тёмную бурлящую воду. Потом скрипнул зубами, развернулся и, не сказав ни слова, зашагал к замку.

Ему срочно нужно было напиться. Напиться так, чтобы забыть её голос, её слёзы и её последний взгляд за ужином.

Вот только почему-то он был уверен, что забыть не получится.

Глава 2

Ниэль

План, придуманный нами с Дарлитой, был далёк от совершенства. Он держался на тонких нитях и на везении, но выбирать не приходилось: времени оставалось слишком мало.

Когда я поняла, что беременна, радость моя не знала границ. Да, мы с мужем пока не планировали детей и вообще на эту тему не говорили. Я знала, что у драконов дети – редкость, и не надеялась забеременеть так быстро. Но не прошло и года со дня свадьбы, как во мне зародилась новая жизнь. По утрам меня мутило, зато по вечерам я подолгу гладила живот и мечтала, на кого будет похож малыш: на меня или на Ардена, с его золотистыми глазами и упрямым подбородком.

Сам Арден сперва тоже обрадовался. Но уже через несколько часов он вошёл в мою комнату темнее грозовой тучи. В руке он сжимал медальон на потемневшей цепочке. Не говоря ни слова, Арден достал тонкую иглу, уколол палец и выдавил каплю крови на небольшое углубление в металле. Потом поднёс медальон к моему животу. Камень внутри вдруг налился багровым светом, и муж резко сунул артефакт в карман. Меня пробрал холод, хотя в комнате было натоплено.

Он вышел, не сказав ни слова. Вернулся через час – хмурый, с желваками на скулах – и обрушил на меня обвинения. Я изменяла ему. Я забеременела от кого-то другого. Немедленно избавиться от чужого ребёнка – таково было его требование.

В последнее время Арден и без того был раздражителен и резок, словно внутри него постоянно тлел уголь. Известие о будущем отцовстве на какое-то время смягчило его: вернулся прежний блеск в глазах, он даже пару раз улыбнулся мне за завтраком. Но это счастье оказалось недолгим, как первый снег на ещё тёплой земле.

Когда нянька увела меня из гостиной, где я билась в истерике, она напоила меня успокоительным чаем и долго держала в объятиях, пока я не перестала дрожать. Потом она отстранилась, заглянула мне в глаза и тихо спросила:

– Ты точно уверена, что хочешь сохранить этого ребёнка?

– Что за вопрос? – всхлипнула я. – Это же мой ребёнок! И Ардена, хоть он и не желает этого признавать!

– Сейчас его ничем не убедишь, – вздохнула Дарлита. – Бесполезно и спорить, и доказывать. Арден – упрямец, каких свет не видывал. Если уж что-то вбил себе в голову, то не отступится. Значит, действовать надо хитростью.

– Скоро придёт лекарь, – прошептала я, утирая слёзы. – А потом всё будет кончено.

– Не спеши, – успокаивающе сказала она. – Прими лекаря, сделай вид, что смирилась. Скажи, что выпьешь зелье при муже. И надеюсь, Арден не станет присутствовать при вашем разговоре с лекарем.

Так я и сделала. Когда старичок-лекарь ушёл, Дарлита, ловко орудуя тонкой трубочкой, заменила содержимое одного из пузырьков безвредным травяным чаем с медом. Вечером я выпила его на глазах у мужа – и чай, сладкий и терпкий, показался мне самым горьким напитком на свете. После этого я ушла к себе и велела служанкам никого не впускать, кроме Дарлиты.

А потом мы собирались. Брать с собой платья было нельзя: пропажу сразу заметят, и тогда всё рухнет. Драгоценности тоже пришлось оставить, кроме нескольких колец и золотого кулона, которые я могла спрятать. Ночью Дарлита принесла курицу, одним резким движением перерезала ей горло и залила кровью мою постель. Я отвернулась. Зрелище было жутким, но другого выхода не было: всем должно было казаться, что у меня случилось сильное кровотечение после выкидыша.

Утром, держа в руках старые сапоги нашего конюха, я по влажной тропинке прошла к обрыву, что находился позади замка. Глянула вниз и едва не закричала от страха: далеко внизу бурлила полноводная река, тёмная и быстрая, и от одного её вида закружилась голова. Ох, как же я боюсь высоты!

Переобувшись в сапоги, я бросила туфельки в воду и, не оглядываясь, вернулась на тропу. Потом помчалась в сторону скалы, что возвышалась недалеко от крепостной стены.

Вскоре я услышала голос Дарлиты. Она громко причитала, устраивая спектакль для слуг:

– Спрыгнула! Только что! Своими глазами видела! Тайхо, да ты только глянь!

Тайхо – тот самый конюх, чьи сапоги я надела. Сейчас Дарлита подведёт его к обрыву, и они вдоволь натопчут там следов. А я тем временем сменила сапоги на ботинки, оставленные племянником Дарлиты, и побежала к небольшой пещере. Вчера вечером нянька спрятала там одежду своего племянника и старую потрёпанную сумку. В сумке лежали ножницы, простые брюки, просторная рубаха, куртка, большой картуз, чистая простыня и немного денег.

Я взяла ножницы и, не мешкая ни секунды, отрезала свою косу. Вышло неровно, но ничего: спрячу волосы под картузом. Оторвала полосу от простыни, туго обмотала ею грудь, натянула рубаху и брюки. Мне повезло: фигура у меня худощавая, а одежда племянника оказалась великовата и висела мешком. Под ней не было заметно ни одной выпуклости.

Потом я натёрла руки и лицо пылью, пока кожа не перестала казаться слишком белой и нежной. Надела куртку, которая делала плечи шире, и натянула картуз на самые брови. Отрезанную косу завернула в моё платье и оставила в пещере. Дарлита придёт сюда, заберёт всё и сожжёт, чтобы не осталось улик.

В тайном кармашке под подкладкой сумки я спрятала кольца, кулон и деньги, а в наружный положила лишь пару медяков. Прислушалась. Вокруг было тихо. Я выбралась на дорогу и побрела к ближайшей деревне, стараясь ступать твёрже, как ходят мальчишки, которым не терпится стать мужчинами.

Идти пришлось недолго. Вскоре меня обогнал мужичок на телеге, запряжённой худой лошадкой.

– Эй, пацан! Подвезти?

– Ы… – промычала я, решив притвориться немой, чтобы голос не выдал меня.

– Немой, что ли? – прищурился мужик.

– Ы-ы! – кивнула я.

– Ну медяк-то у тебя найдётся за проезд? – с надеждой спросил он.

– Ы! – Я снова кивнула и показала ему медяк.

– Садись! Тебе далеко?

Жестами, как могла, я показала высокие дома и остроконечные крыши и кивнула в сторону горизонта.

– До Слуцка, что ли? – уточнил крестьянин.

– У… – радостно закивала я.

– Ещё пару медяков докинешь, и довезу с ветерком! – пообещал он.

Я отдала ему ещё два медяка, забралась в телегу и улеглась на какой-то колючей дерюге. Запах сена, скрип колёс и мерное покачивание убаюкали меня почти сразу. Я уснула, и это было лучшее, что случилось со мной за весь этот бесконечный день: тошнота немного отступила, а впереди, за поворотом дороги, меня ждала новая жизнь.

Глава 3

До Слуцка мы ехали часа четыре. Я успела выспаться и тоскливо поглазеть на облака, плывущие по серому небу, размышляя о странных поворотах судьбы. Наверное, я даже взгрустнула бы по-настоящему, если бы не мужичонка, понукающий неторопливо топающую лошадёнку. Едва заметив, что я проснулась, он начал трещать без умолку: рассказывал про урожай, про то, что жена опять хворает, про цены на зерно. От необходимости что-то отвечать меня спасала лишь легенда о том, что я немой мальчишка. Надо было ещё и глухим притвориться.

Едва мы въехали в город, я спрыгнула с телеги, махнула мужику рукой и выдала своё многозначительное:

– Ы!

На этот раз оно означало: я приехала, спасибо, можете быть свободны. Крестьянин понятливо кивнул – мол, и вам не хворать – и поехал дальше в сторону рынка. А я побрела в гостевой дом, где мы с Дарлитой договорились встретиться. Находился он на другом конце города, но Слуцк был небольшим, и необходимость пройтись пешком не пугала меня.

По дороге купила у уличной торговки пирожок с капустой и буквально насильно запихнула его в себя – аппетита не было никакого. Тесто казалось безвкусным, капуста – пресной, но я заставила себя доесть: ребёнку нужно было питание, а мне – силы.

Гостевой дом «Важный гусь», судя по всему, был рассчитан на гостей среднего достатка. Пахло здесь жареным луком, сырым деревом и чем-то ещё, сладковатым и тяжёлым – наверное, старым бельём. От этих запахов меня тут же замутило.

Я подошла к дежурившему у стойки мужчине и, показав, что мне нужна бумага и карандаш, левой рукой нацарапала записку о том, что у меня тут договорённость встретиться с тёткой и мне нужен номер на двоих с двумя кроватями. Даже левой рукой мне трудно было скрыть свой каллиграфический почерк, который с детства вбивали в меня учителя.

Получив ключ, я отправилась вслед за горничной на второй этаж. Дождалась, пока мне принесут воду для умывания, ужин и застелят чистое постельное бельё, закрыла за горничной дверь на засов и, наконец, смогла стянуть с себя осточертевшую тряпку, перетягивающую грудь. Кожа под ней была красной и болела, но я даже не стала её растирать – слишком устала.

Умывшись и оставшись в одной лишь длинной рубашке почти до колен, я заставила себя плотно поужинать и с удовольствием растянулась на мягкой постели. До прибытия Дарлиты оставалось дня два, не меньше. И это ещё как обстоятельства сложатся – её уход из замка Ардена не должен был вызывать подозрений.

Следующие два дня я не выходила из снятой мной комнаты. Служанки приносили мне еду и свежую воду, а я валялась на кровати и ревела. Рыдала я тихо, практически беззвучно, стараясь, чтобы меня не услышали соседи за стенкой. Но безутешно. Не столько меня пугало моё непонятное будущее и необходимость как-то выживать и растить ребёнка одной, сколько меня душила горькая обида.

Я очень любила своего мужа, и мне даже в голову не пришло бы изменять ему. И то, что он вдруг сделал вывод, будто я была ему неверна, повергало меня в такую пучину горя и безысходности, что сдерживать свою непрекращающуюся истерику я была не в силах.

Впрочем, на мою эмоциональность могло также повлиять и моё нынешнее положение. Меня постоянно тошнило, хотелось реветь и спать одновременно. Так что я всё это время или спала, или рыдала, уткнувшись носом в и без того уже насквозь мокрую подушку.

На третий день в дверь негромко постучали. Я чуть было не крикнула, что не хочу никого видеть, но потом вспомнила, что вообще-то притворяюсь немым юношей, и, вздохнув, замоталась в покрывало с головой и поплелась открывать дверь.

Совсем чуть-чуть приоткрыв её, я высунула свой нос в образовавшуюся щель. И тут же распахнула широко.

– Дарлита! – очень тихо прошептала я, уткнувшись зареванным носом в объёмную грудь нянюшки, едва она вошла в мой номер и плотно прикрыла за собой дверь.

– Тихо, тихо, милая! – бормотала она, поглаживая меня по голове, пока я рыдала на её плече. – Всё будет хорошо, моя девочка, всё будет хорошо!

Хотела бы я верить её обещаниям. Но пока реальность вопила о другом.

– Как там… Арден? – спросила я, едва отрыдавшись.

Да, я очень переживала за мужа. Мне и хотелось, и не хотелось того, чтобы ему было плохо. Я почему-то надеялась, что, узнав о моей «смерти», муж будет горевать, страдать и сожалеть о своих словах, о том, что он сделал с нашей семьёй. Ну не могло быть иначе! Ведь мы так любили друг друга! Но Дарлита лишь ответила сухо:

– Нормально.

А потом, увидев мой изумлённый взгляд, добавила:

– Закрылся у себя в кабинете. Пьёт.

– Пьёт? – удивилась я.

Арден практически не употреблял алкоголь, и слова Дарлиты меня поразили.

– Что он сказал? – спросила я.

– Чтобы похоронили тебя рядом с твоим отцом, – ответила Дарлита.

Я пошатнулась. Не в семейном склепе Ардена. А на соседнем кладбище.

– Но… – вдруг осенило меня, – как же меня похоронят, ведь тела нет?

– Нет, – согласилась Дарлита. – Арден велел похоронить закрытый гроб.

– И… похоронили? – уточнила я.

– Да. Арден проводил тебя в последний путь и очень скорбел. Сказал, что очень жаль, что ты выбрала такой выход из ситуации.

– Очень жаль?! – закричала я и тут же захлопнула рот, услышав стук по стене со стороны соседнего номера.

Я закусила губу, и по моим щекам снова потекли слёзы.

– Ниэль! – подхватила меня за руку Дарлита. – Успокойся! Забудь уже о нём! Подумай о своём ребёнке, сейчас именно он для тебя – единственное, что важно в этой жизни.

Дарлита была права: сейчас я должна была думать о единственном, что у меня осталось – о моём малыше, моей пока ещё крохотной горошинке. Так что пришлось мне брать себя в руки.

На следующее утро Дарлита куда-то ушла, вернувшись уже ближе к обеду. А потом мы сдали ключи владельцу «Важного гуся» и, сев в закрытую карету, отправились в Драсберг – соседний портовый город.

Глава 4

В карету я садилась всё ещё в образе юноши – племянника Дарлиты. Но едва мы выехали за городские ворота, я переоделась в чёрное платье и натянула широкополую шляпку с густой вуалью, скрывавшей лицо. Когда в середине пути карета остановилась у одного из постоялых дворов, Дарлита вышла и завела разговор с возницей, расспрашивая, сколько времени нам ещё ехать и какой постоялый двор в Драсберге он мог бы порекомендовать.

Пока она отвлекала мужчину, я, подхватив объёмистую сумку, выскользнула из кареты с той стороны, которая была ему не видна, обошла в тени экипаж и вылетела из дверей постоялого двора навстречу Дарлите:

– Лита, милая, неужели это ты? – восторженно воскликнула я и кинулась обнимать свою няню.

– Элисон? – «удивилась» та. – Откуда ты тут?

– Ах, дорогая! Я ехала в Драсберг к родственникам, и тут у нас сломалась карета. Представляешь! Посреди пути! И другой свободной найти не удалось!

Я всхлипнула горестно, а нянюшка вдруг предложила:

– Так поехали с нами! Мы с Петером, моим племянником, как раз едем в Драсберг!

– О, и Петер едет с тобой? – также восторженно воскликнула я. – Он, наверное, совсем уже вырос! Я помню его совсем маленьким мальчиком.

– Да, но сейчас он спит в карете, так что давай тихонько сядем и поедем дальше, чтобы успеть дотемна найти подходящий постоялый двор в Драсберге.

И мы погрузились обратно в карету и поехали дальше. Возница был уверен, что везёт от Слуцка немолодую женщину с племянником, а какая-то девица села к ним уже в середине дороги.

В Драсберге возница выгрузил те сумки, что были в багажном ящике в задней части кареты, получил от Дарлиты оплату за свои услуги и, увидев лишь нас двоих, спросил, куда делся парнишка. Дарлита изобразила удивлённый вид:

– Ну как же! Я же только что при вас отправила его в ближайший постоялый двор выяснять, есть ли свободные места. Ну как раз когда вы сумки наши доставали.

Возница кивнул, решив, что и правда, в суете не заметил, как парень выскочил и отправился по поручению тётушки.

Как только карета, в которой мы приехали в Драсберг, исчезла из вида, мы отправились… Нет, не на постоялый двор! Мы пошли в сторону порта. Идти пришлось с сумками и пешком, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимание местных извозчиков.

Драсберг встретил нас запахом солёной воды, гниющих водорослей и свежей рыбы. Порт гудел, как растревоженный улей: матросы кричали, перегружая товары, торговки выкрикивали цены на улов, чайки кружили над головами, ожидая подачек. Мы нашли корабль, который отправлялся в путь в ближайшее время, – небольшой торговый бриг «Морская ласточка», и, оплатив проезд, устроились в выделенной нам каюте на двоих.

Если дорога в карете мне показалась тяжёлой, то двое суток на корабле для меня превратились в сущий кошмар. Меня мутило от всего: от запаха смолы, от качки, от вида еды, от одной только мысли о пище. Я не могла ничего есть и выглядела, как бледная немощь. Иногда я выходила на палубу и, стоя у борта корабля, жадно вдыхала свежий воздух, цепляясь за снасти побелевшими пальцами. Другие пассажиры, как и члены экипажа, лишь качали головами, сочувствуя бедняжке, которая так страдает от морской болезни.

В общий зал, где собирались скучающие пассажиры, чтобы послушать нанятых для их развлечения артистов, я не спускалась: безвылазно сидела в своей тесной каюте и лишь время от времени выходила на палубу подышать. Еду из местного ресторана мне приносила Дарлита,

но я почти ничего не ела, лишь пила кислый ягодный морс, который хоть немного облегчал состояние.

Зато всю дорогу по морю мне совершенно некогда было лить слёзы и горевать по моей неудавшейся семейной жизни. Когда тебе настолько плохо, такие мелочи, как предавший тебя супруг, быстро улетучиваются из головы.

Дарлита пыталась меня немного отвлечь, рассказывая о том, что из драгоценностей ей удалось взять с собой:

– Я взяла пару колечек, самых дешёвых, и кулон твоей матери. Объяснила Ардену, что ты подарила их мне, но если он против, я ничего не возьму.

– Он разрешил тебе их взять? – уточнила я у няни, приподнимая голову с подушки.

– Он махнул рукой и сказал, что я могу брать всё, что мне заблагорассудится, – пояснила Дарлита. – Но я ничего лишнего брать не стала. Несколько твоих самых простых платьев, кое-какие бумаги, да два кольца с кулоном. Учитывая мои личные накопления, на первое время нам на жизнь хватит. Одно кольцо, правда, мне пришлось продать ещё в Слуцке.

– Зачем? Вроде на билеты на корабль так много не надо, – удивилась я.

– Я купила нам с тобой новые документы, – хитро улыбаясь, сказала Дарлита.

– Документы? Это что, так легко сделать? – изумилась я.

– Не так уж легко. Пришлось привлечь кое-какие старые связи, – не очень понятно пояснила нянюшка.

Расспросить о связях я её не успела – меня скрутил новый приступ тошноты, и я снова уткнулась лицом в подушку, молясь, чтобы это скорее закончилось.

Когда через два дня мы прибыли в город Эрстен, меня уже конкретно шатало от слабости. Этот портовый город принадлежал уже другому государству. Мы приехали в соседнюю страну – Челинию, так что теперь нам предстояло пройти ещё и таможенный досмотр.

Таможня представляла собой длинный деревянный барак с очередью из усталых путешественников. Подойдя к окошку, за которым сидел местный таможенник – толстый мужчина с красным лицом и густыми усами, – Дарлита сунула ему наши документы и пояснила, что она с дочерью прибыла сюда на поиски работы. Что дочь её, то есть я, недавно овдовела, и мы решили сменить не только город, но и страну, чтобы ничто не напоминало бедняжке о её несчастье.

– Понимаете, – трещала нянюшка, размахивая руками, – моя деточка пережила такое несчастье, потеряв супруга! Это была такая любовь, такая любовь, и вот…

В общем, таможенник махнул ей рукой, мол, идите уже отсюда, явно не желая слушать историю про «такую любовь». Он даже поставил нам печати в документы с такой скоростью, будто боялся, что мы передумаем и устроим сцену прямо у него на глазах.

По рекомендации одной из пассажирок с нашего корабля, проникшейся сочувствием к несчастной мне, мы на пару дней сняли комнату в небольшом домишке у какой-то старушки. Я отлеживалась, приходила в себя. Утренняя тошнота продолжала меня беспокоить, но я хотя бы начала более-менее питаться. Благо, хозяйка домика за отдельную плату обеспечивала нас трёхразовым питанием и готовила вполне сносно: наваристые супы, кашу с молоком, свежие булочки.

А потом мы опять отправились в путь. Я безумно устала от всех этих покачиваний в каретах и на корабле, но деваться было некуда – нужно было уехать как можно дальше от моего… уже не моего дракона. Он не должен был узнать, что я выжила и что всё ещё ношу под сердцем ребёнка.

Глава 5

Все эти два дня, пока я отлёживалась и приходила в себя после морского кошмара, Дарлита отпаивала меня горькими успокоительными и общеукрепляющими отварами из трав, которые смогла раздобыть на местном рынке. Я старалась носа не показывать за калитку, чтобы поменьше мелькать перед жителями города. Мало ли — вдруг кто знакомый попадётся, а мне сейчас любые лишние глаза ни к чему. Чаще всего я лежала на плетёном шезлонге под старой, раскидистой яблоней в глубине сада. Прикрыв лицо широкополой шляпой от мягкого послеобеденного солнца, я закрывала глаза и вспоминала.

Я вспоминала день, когда мы познакомились с Арденом. В наш тихий провинциальный городок, где я прожила всю свою сознательную жизнь в небольшом домике с отцом и няней, приехали драконы.

— Ниэль, идём скорее, а то все лучшие места займут, вообще ничего не увидим! — торопила меня подружка Алия, пока я на ходу переплетала свои длинные косы.

Немного погодя, схватив меня за руку, она уже стремительно тащила меня на главную площадь. Та к утру была забита людьми, жаждущими поглазеть на высокопоставленных гостей из столицы.

— Мы тут вообще ничего не увидим! — сокрушалась Алия, пытаясь заглянуть через плечи высоких мужиков. — О, придумала! Идём, я знаю, откуда всё хорошо видно!

И она опять куда-то потащила меня. В какую-то тёмную подворотню. Нырнув в каменную арку между домами, мы проскользнули в небольшую потёртую дверцу.

— Это чёрный ход. Я когда-то подрабатывала в этом доме, уборку делала, тут лестница для слуг, — шептала она, толкая тяжёлую дубовую створку.

Лестница была узкой, винтовой и неудобной, пахло пылью и сушёными травами. Зато на площадке между этажами обнаружилось небольшое оконце с широким каменным подоконником, на котором мы и устроились, распахнув настежь запылённое стекло. Отсюда действительно была видна вся площадь, как на ладони, а прямо под окном проходила дорога, по которой уже шла процессия.

Конечно, они были в человеческой ипостаси — не могли же высокопоставленные драконы явиться в город в виде своих чешуйчатых ящеров. Но всё равно было на что посмотреть: гордые, невероятно красивые, они гарцевали на породистых лошадях, выделяясь на фоне остальных не только богатыми, расшитыми золотом камзолами, но и великолепной осанкой, широкими плечами и той самой хищной, скрытой грацией, которую не могла скрыть никакая человеческая оболочка.

— Ой, смотри-смотри, какой красавчик! — восхищённо ахнула Алия, теребя меня за рукав и показывая куда-то вниз.

— Где? — я отодвнула подружку в сторону и высунулась в окно, пытаясь разглядеть того, на кого она указывала.

Я перегнулась слишком сильно, камзол одного из всадников блеснул на солнце, я ахнула… и полетела вниз. Окошко, из которого мы глазели, находилось как раз между вторым и третьим этажом, так что лететь мне было недолго, но этого хватило, чтобы в панике попрощаться со своей такой короткой жизнью. Я приготовилась к дикой, хрустящей боли от удара о мощёную булыжником дорогу и крепко зажмурилась.

Удар был ощутимым, сотрясающим кости, но на удивление мягким. И тёплым.

— С неба на меня девушки ещё не падали! — услышала я глубокий, приятный мужской голос с лёгкой хрипотцой и робко распахнула глаза.

Так я познакомилась с Арденом — самым красивым драконом на свете. Он тогда так и не выпустил меня из своих крепких объятий, продолжая ехать по главной городской площади,

игнорируя изумлённые взгляды свиты. А потом мы долго гуляли по городу. Я, забыв про стыд, показывала ему самые интересные места, мы пили чай с пирожными в маленьком кафе и разговаривали. Разговаривали, разговаривали, разговаривали…

Арден ухаживал за мной красиво, как и полагается дракону. Он приносил цветы, которые в нашем климате стоили целое состояние, дарил подарки, водил на концерты и спектакли. Я была счастлива, но не из-за роскоши, а потому, что влюбилась в него до беспамятства. А когда он пришёл к моему отцу и, склонив голову, попросил моей руки, я была просто на седьмом небе от счастья.

Свадьбу мы сыграли в его замке, который мне, привыкшей к крохотному домику с садом в полдесятка деревьев, казался просто гигантским. Папа и няня переехали к нам, но скоро случилась беда — папа тяжело заболел. Арден приглашал самых лучших лекарей, тратил баснословные деньги, но те лишь беспомощно разводили руками: пациент был неизлечим.

После папиных похорон я с трудом уговорила Дарлиту, которая наотрез отказывалась быть обузой и собиралась уехать, остаться со мной в замке. Я плакала и доказывала, что, когда у меня появятся малыши, лучшей няни для них я просто не найду. И женщина сдалась.

Она заменила мне мать, которая умерла сразу после моего рождения. Она заменяла мне маму все эти годы, поддерживая в трудные минуты. Вот и сейчас она была рядом. Я даже не представляю себе, что бы я без неё делала.

— Риана, ты тут? — донёсся до меня голос Дарлиты.

Риана? Я на мгновение замерла, пытаясь осознать это имя. Ах да. Теперь меня зовут Риана. Ниэль осталась в замке дракона, вместе с призраками прошлого и разбитым сердцем. Надо привыкать.

— Я тут, мама! — крикнула я ей из сада. По новым документам она теперь была моей матерью.

— Риана, я выяснила всё насчёт дилижанса в Ортугу, — сказала няня, подходя к шезлонгу и заботливо поправляя плед на моих плечах. — Завтра утром отправляемся в путь.

— Долго нам ехать? — со вздохом спросила я, глядя, как по яблоне ползёт маленькая гусеница.

— Почти двое суток. Ночевать будем в гостевом доме в середине пути.

— Ну хоть поспать сможем в нормальных условиях, — нашла я повод для радости.

Утром мы уже тряслись в тесном, пыльном дилижансе в компании молчаливой старушки с маленькой девочкой и мужчины средних лет, судя по виду — клерка низшего звена, задремавшего с раскрытым ртом.

О да, в нашем мире существовали магические порталы, позволяющие перемещаться между городами за считанные минуты. Вот только нам они были не по зубам. Во-первых, того количества денег, что мы имели, едва хватило бы на один переход, а кто знает, что будет с работой и жильём на новом месте. Нам нужно было оставить хоть какой-то запас на первое время. Но был и другой, куда более важный нюанс: порталы были категорически противопоказаны беременным. Магический фон при телепортации мог нанести непоправимый вред развивающейся жизни, а я не собиралась рисковать своим малышом.

К счастью, общеукрепляющий отвар, которым поила меня Дарлита последние дни, помог мне окрепнуть, и тошнота отступила. Няня взяла с собой ещё одну бутылочку с заранее заготовленным настоем, и я потягивала его маленькими глотками всю дорогу, глядя, как за окном мельчают чужие леса и поля. Так что на этот раз путь оказался не таким тяжёлым, как раньше. Впереди нас ждала новая жизнь.

Глава 6

Маленький городок Дребск, в который мы с Дарлитой наконец прибыли, встретил нас ненастной погодой — серым небом, мелким дождём и холодным ветром, пробирающим до костей. Погода, очень подходящая моему настроению.

Для начала нам пришлось поселиться в недорогом гостевом доме на окраине — тесная комнатка с продавленным матрасом и запахом сырости, но хотя бы крыша над головой. Лишь когда немного отдохнули с дороги и я пришла в себя после бесконечных переездов, Дарлита отправилась на поиски постоянного жилья.

Моя неугомонная и общительная нянька довольно быстро смогла разговорить тётушек, торгующих на рынке овощами. Она умела найти подход к любому человеку — за полчаса знакомства те уже считали её чуть ли не родной сестрой. Торговки посоветовали ей, куда можно обратиться с нашей проблемой.

– Так надо сходить пообщаться с Рейком, – заявила одна из них, крупная женщина в цветастом платке, продающая капусту. – Сам он недавно овдовел, дети выросли и разъехались, а дом у него большой, вместительный. Может, и поселит вас в своём доме за относительно небольшую плату.

– А что за Рейк такой? – навострила ушки Дарлита. – У меня дочка совсем ещё молоденькая, не обидит ли?

– Да не, Рейк – мужик неплохой, – махнула рукой торговка. – Будь он чуть поприветливей, может, и нашёл бы себе уже какую-нибудь вдовушку, что пригрела бы его на старости лет. Но он после смерти своей Инетты ни о ком больше и думать не желает. Так и живёт один бобылем, ворчит на весь свет.

Расспросив подробнее, как найти этого Рейка, Дарлита вернулась и предложила мне прогуляться к его дому. Я снова надела чёрное платье и шляпку с вуалью, намекая окружающим на свой вдовий статус, и мы отправились в путь.

Дребск оказался тихим городком, где жизнь текла размеренно и неторопливо. Узкие улочки, мощёные булыжником, низкие домики с черепичными крышами, сады с яблонями и вишнями за деревянными заборами. Здесь не было той суеты, что в портовых городах, не было криков торговцев и запаха рыбы. Только тишина, прерываемая лаем собак да стуком колёс телег.

Дом Рейка стоял на улице, засаженной старыми липами. Аккуратный двухэтажный домик с резными ставнями и небольшим палисадником, в котором росли кусты сирени. Мы поднялись по скрипучим ступенькам крыльца, и Дарлита постучала в тяжёлую дубовую дверь.

Рейк оказался хмурым и нелюдимым мужчиной лет пятидесяти пяти с посеребрёнными сединой висками и такой же седой бородой, аккуратно подстриженной. Он не был слишком стар, просто стрессы и потери сделали его совсем седым. Глубокие морщины прорезали его лицо, а тёмно-карие глаза смотрели настороженно и устало.

– Чего надо? – грубовато спросил он нас, когда мы пришли к нему узнавать насчёт жилья.

В дом он нас не впустил, и мы разговаривали на крыльце, переминаясь с ноги на ногу под мелким дождём.

– Меня зовут Олейна, – представилась своим новым именем Дарлита, – а это – моя дочь Риана. Мы ищем жильё в вашем городе. Желательно не очень дорогое. Мы неприхотливы и…

– Я не сдаю! – резко ответил мужчина и собирался уже закрыть дверь, но Дарлита выставила ногу так, что дверь не закрылась.

Няня слегка поморщилась от боли, когда Рейк, не успев притормозить движение двери, прищемил ей ногу, но не издала ни звука, лишь крепче сжала губы.

– В чём дело? Я неясно выразился? – возмутился хозяин дома, хмурясь ещё сильнее.

– Я сомневаюсь, что вам комфортно жить в одиночку в этом большом доме, – спокойно ответила няня, несмотря на боль. – Мы могли бы помогать вам по хозяйству, например. Это помимо оплаты.

– Я достаточно зарабатываю, и мне хватает тех денег, что я имею, – всё так же грубовато отвечал мужчина. – И помощь мне не нужна.

– Зато нам нужна, – жалобно пискнула я, не сдержав всхлипа. Слезы сами навернулись на глаза – от усталости, от холода, от отчаяния.

Рейк внимательно посмотрел на нас, и на мгновение мне показалось, что в его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие. Потом он всё же распахнул дверь шире и сказал:

– Ладно, заходите и рассказывайте.

И мы рассказали. Вернее, Дарлита рассказала. Она выдала Рейку нашу версию про моё вдовство, а также упомянула, что я беременна и теперь мне предстоит стать вдовой с малышом на руках. Голос её дрогнул на последнем слове.

– Вы не подумайте, – встряла я, утирая слёзы, – мой ребёнок не будет вам мешать жить. Мы только осмотримся, найдём работу, может, и подзаработаем, тогда найдём другое жильё. Нам бы полгодика перекантоваться. А как рожу, поищем такое жильё, где никому не будем мешать.

– Угу, с младенцем на руках ты пойдёшь искать другое жильё! – пробурчал мужчина, но я заметила, что уголки его губ дрогнули в подобии усмешки.

Я вздохнула: похоже, всё же придётся искать ещё. Мы встали и собирались уже попрощаться, когда Рейк вдруг рявкнул:

– Куда собрались? Мы ещё ничего не обсудили!

Мы ошарашенно опустились обратно на стулья, на которых перед этим сидели.

– В общем, так, – сурово заявил Рейк, барабаня пальцами по столу, – денег я с вас не возьму. Будете жить на втором этаже, он у меня всё равно пустует.

– Но как же оплата… – начала Дарлита, но Рейк её перебил.

– Я ещё не всё сказал! Оплату не возьму, но с вас помощь по дому: уборка, готовка. Продукты я буду покупать сам, а вот готовить еду мне будете вы. Согласны?

– Согласны! – хором заявили мы с Дарлитой, обрадованные таким удачным вариантом решения наших проблем.

– И ни про какое другое жильё чтобы не заикались! – продолжал жёстко выговаривать нам Рейк. – Я что, изверг какой – женщин с грудным ребёнком из дома выставлять? Звукоизоляция у меня хорошая, детский плач со второго этажа мне мешать не будет. Всё поняли?

Мы согласно закивали, как два болванчика, не зная даже, что сказать. В глазах Дарлиты стояли слёзы облегчения, а я едва сдерживалась, чтобы не броситься обнимать этого ворчливого, но доброго человека.

Этим же вечером мы с Дарлитой переехали в дом Рейка. Дом был деревянный, небольшой, но уютный. Пахло в нём сушёными травами и старым деревом. На первом этаже у Рейка располагалась большая кухня с пузатой печью, изразцы которой были расписаны синими цветами, спальня хозяина и кладовка. На втором этаже находились три небольшие комнаты с низкими потолками и окнами, выходящими в сад.

Меня Рейк определил в одну из комнат – самую дальнюю, с видом на яблоню.

– Эта комната расположена как раз над кухней, – объяснил он, – в ней тебе будет теплее всего, что будет особенно актуально, когда родится малыш. Печь всю ночь тёплая, так что мёрзнуть не будешь.

Я кивнула, не в силах подобрать слов благодарности. Комната была простой: кровать с периной, комод, небольшой столик у окна и стул. Но для меня это был настоящий дворец после всех мытарств.

На следующий день после нашего новоселья Дарлита отправилась искать работу. Рейк не смог ей сказать, кому тут поблизости понадобилась бы нянька, так что пришлось няне опять отправляться на рынок: беседовать с местными всезнающими торговками. А я попросила её купить мне ткань, цветные нитки, пяльцы, иглы и ножницы – минимальный набор для вышивания.

Когда-то, ещё в юности, я подрабатывала тем, что вышивала платки, скатерти и прочую домашнюю утварь. У меня неплохо получалось – мать научила меня этому ремеслу, хотя и умерла, когда я была совсем маленькой. Когда я вышла замуж, в дополнительном заработке у меня не было необходимости, и я делала это просто от души, по велению сердца.

Так, Дарлите я подарила красивую блузку, расшитую яркими цветами – маками и васильками. Она носила её с гордостью, говоря, что это самая красивая вещь в её гардеробе. А у Ардена была рубашка, на которой я вышила двух драконов: большого и поменьше. Арден очень любил эту рубашку и носил, почти не снимая. Он говорил, что это его талисман, что драконы приносят ему удачу.

Вспомнив о муже, я снова почувствовала, как мир становится мутным от наполнивших мои глаза слёз. Руки дрогнули, и я едва не уронила пяльцы. Взяла себя в руки, сдержалась, глубоко вздохнула и отправилась приводить в порядок своё новое жилище. Надо было думать о будущем, о ребёнке, а не о прошлом, которое уже не вернуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.